

Прогулки вокруг границы

Моек. правба. - 1994. - 2 абт. - с. 8

Доводилось ли вам получать книгу с дарственной надписью: «От матерого уголовника», да еще названную «Прогулки вокруг барака»? А вот я удостоилась такого подарка. За несколько дней до того, как автор этого творения отбыл в края «не столь отдаленные». Действительно, так ли далек Иерусалим от Москвы? Несколько часов перелета. Игорь Губерман вновь улетел на свою историческую родину, куда раньше его не тянуло, но куда он с семьей шесть лет назад был выдворен из страны, где родился, где гулял по московским тротуарам, потом «вокруг барака» и опять по улице Горького, ставшей вновь, к великой его радости, Тверской.

Надо сказать, наше знакомство было довольно случайным. Честно признаться, не люблю я «неформальную лексику» в напечатанном виде. Так что к встрече с Игорем Губерманом во время предыдущих его приездов не стремилась. Однако, когда наше знакомство состоялось, когда я увидела, как он ведет диалог с залом, когда побывала в кругу его родных и друзей в удивительном доме «тещеньки» Лидии Борисовны в Лаврушинском переулке, то раскаялась, что раньше судила об этом человеке лишь, как об авторе немногих прочитанных мною «гариков». Да и на самих «гариков» взглянула по-иному.

Что же касается «неформальной лексики», то Игорь Губерман говорит, что раньше выступал на вечерах, прикрываясь авторитетом Юрия Олеши, который заявил однажды, что никогда не видел ничего смешнее, чем написанное печатными буквами слово «жопа». А 4 года назад в Бруклине одна читательница, лингвист, очень эрудирован-

ный человек, подарила ему замечательную фразу академика Бодуэна де Куртена: «Жопа не менее красивое слово, чем генерал. Все зависит от употребления». И вообще, есть люди, которые не приемлют «неформальную лексику» не от целомудрия, а просто в силу богатства своего воображения. А закрыл он эту тему пожеланием себе долголетия:

*Дай, Боже, мне столько годов,
А больше не надо ни дня -
Во сколько приличных домов
Вторично не звали меня.*

Но я теперь знаю, во сколько приличных домов постоянно зовут Игоря Губермана во время его нечастых приездов в Москву. Так что общаться с ним проще «на ходу». Да и одна из его книг, недавно изданная ДО «Глаголь», называется «Прогулки вокруг барака». Очевидно, это очень удобная форма «лагерной» литературы - вспомним «Прогулки с Пушкиным» Абрама Терца. И я решила также попробовать написать свои «Прогулки». Почему - вокруг границы? Конечно, не только в связи с границами, разделяющими государства. Есть границы человеческих возможностей, граница, преступив которую ты перестаешь быть самим собой, граница между жизнью и смертью и множество других границ. Об этом и многом другом и шел разговор во время наших «прогулок». А отправными точками беседы стали названия главок из новой книги Губермана «Иерусалимские гарики», выпущенной издательством «Политекст», презентация которой прошла одновременно с презентацией «Прогулок вокруг барака».

вести дневник, что не мог скрывать своего приподнятого настроения. В связи с чем заместитель начальника лагеря по оперативной работе, злобный молодой лейтенант, годящийся мне в сыновья, сказал как-то: «Губерман, что ты все время лыбишься? Отсиди свой срок серьезно. Когда вернешься - в партию возмуть».

Но, конечно, «Прогулки вокруг барака» не увидели бы свет, если бы не помощь лагерного хирурга, вольнонаемного. Он вынес и спрятал рукопись до моего выхода из лагеря, за что я ему по гроб жизни обязан. К сожалению, мы больше не виделись. Надеюсь его разыскать во время нынешнего моего приезда, но не получилось, хотя у меня состоялась поездка с творческими вечерами по Сибири.

Мой лагерь находился в Красноярском крае, на границе с Иркутской областью - поселок Верхняя Тугуша, или станция Харьюзовка на трассе Абакан-Тайшет. А ссылку я отбывал вместе с приехавшей ко мне женой в поселке Бородино - 10 километров восточнее Красноярска. Там и получил открытку с указанием места, где можно забрать рукопись. Так вот, запланированное мое выступление в Красноярске не состоялось. Директор красноярской филармонии позвонил моему знакомому в Новосибирск, где я тогда был, и сказал замечательные слова практически 60-х годов: «Мы здесь посовещались с товарищами. Выступление Губермана в Красноярске признано

нецелесообразным». Так что не удалось мне исполнить «мечту идиота» - побывать в местах заключения вольным человеком.

- Что ж, тема первой любви и тюрьмы прояснилась. И все же, говоря о том, что не думали уезжать отсюда, вы пишете: «Россию увидав на расстоянии, грустить перестаешь о расставании».

- Действительно, живя уже 6 лет в Иерусалиме, я не могу сказать, что страдаю от ностальгии и сюда приезжаю уже как русскоязычный израильтянин. Но иногда ужасно хочется повидать друзей, посидеть, как бывало, на кухне... Теперь, хоть изредка, появляется такая возможность.

К счастью, в Израиле у меня тоже есть друзья. И один из них - замечательный художник Александр Окунь, бывший петербуржец. Он оформил все мои книги, вышедшие «там». У нас с ним даже есть «Авторский час» на радиостанции «Голос Израиля». Каждую пятницу с 19 до 20 по московскому времени мы обсуждаем события, происшедшие в России и Израиле, рассказываем о культурных событиях, беседуем с интересными людьми.

Кстати, израильские и американские «русские» по привычке нередко собираются на кухне за чашкой чая или рюмкой водки. И знаете, о чем они говорят? Ругают Америку и Израиль за бездуховность и отсутствие культуры. Причем, что интересно, выясняется, что в Советском Союзе совершенно не было евреев - просто

инженеров. Все были главные инженеры. И у всех «все было схвачено». Когда нет диффизита, жизнь кажется пресной и тусклой. Один штурман какого-то речного пароходства, человек лет 70, в маленьком американском городке, перечислив все, что он имел «в прежней жизни» и почувствовав, что «джентльменский набор» недостаточен, задумался и, сладко прищурившись, сказал: «А какие одеколоны я там пил!»

Конечно, когда смотришь на Россию со стороны, воспринимаешь все несколько иначе, чем россияне, живущие в этой стране и сейчас, - путчи, потуги реформ, выборы... Но в мае прошлого года, побывав здесь, я уезжал необыкновенно оптимистично настроенным. Так совпало, что три совершенно разных человека - очень «крутой» мафиози из крупного города, очень солидный предприниматель из Санкт-Петербурга и Явлинский сказали мне фактически одно и то же: если не будет взрыва, то через 4-5 лет страна выйдет на полет, но нормальный путь развития.

А потом пришло известие о невиданном успехе Жириновского на выборах. Просто мистика какая-то: за него проголосовали 13 миллионов человек, как когда-то за Гитлера. Кстати, директор Венской оперы, где будущий фюрер мечтал исполнять сольные партии, до конца жизни не мог себе простить, что после прослушивания предложил ему петь в хоре. Уж лучше бы Гитлер осуществил свои личные амбиции на оперной сцене. А Жириновский в поисках себя прошел через еврейскую организацию «Шолом». Теперь, наверное, многие жалеют, что не признали его тогда евреем.

В связи с Жириновским меня некоторые упрекают в том, что я его напрогнозировал, написав в свое время:

*Темна российская заря,
И смутный страх меня
тревожит:
Россия в поисках царя
Себе найти еврея может.*

Однако мой оптимизм не иссяк и сейчас. Я разговаривал со многими людьми, которыми верю, и им будущее России не видится таким уж темным, как его некоторые пытаются представить. Хотя один человек, кажется, бывший министр приборостроения Руднев, замечательно образно охарактеризовал нынешнюю ситуацию: «Прийти к женщине и сесть с ней пить чай - это

нормально. Прийти к женщине, снять штаны и заниматься с ней любовью - это тоже нормально. Но прийти к женщине, снять штаны и сесть с ней пить чай - это ненормально. А вот это и есть российский реформы».

- Но, судя по «Израильским гарикам», вас сейчас волнует и вдохновляет не только и не столько судьба российских реформ, как другая проблема: «Храпит и яростно дрожит казачий конь при слове «жид».

- Ну, эта тема неисчерпаема, и данная проблема вдохновляет меня давно. Я очень жалею, что закрыли «Пульс Тушина». В таких изданиях кипит, булькает и пузырится мифология сегодняшнего времени, причем это касается не только евреев, но и судьбы России и всего прочего. А смотреть, как она возникает, очень интересно, потому что придумать это невозможно. Здесь встречаются вещи просто параноидальной гениальности, которые запоминаются после первого же прочтения:

*Евреи клеветуют и хают,
Разносят дурманы
и блажь.*

*Евреи наш воздух
вдыхают,
А вот выдыхают не наш.*

Самое интересное, что «Пульс Тушина» и подобные ему издания очень часто меня цитируют. Причем в подтверждение своих тезисов и когда ругают демократию, перестройку, и когда хотят показать, какие гады - жида. Однако ссылки на меня при этом не бывает. Очевидно, авторы статей пользуются давними, еще машинописными экземплярами с моими гариками, когда они воспринимаются как частушки, где слова - народные. Для этих людей я буду писать и дальше.

- Но, очевидно, вы пишете не только для них. «Усовершенствуя плоды любимых дум, косится набекрень печальный ум». Как вы же сейчас эти «плоды»?

- Сейчас я заканчиваю книгу о Николае Бруни. Это необыкновенно талантливый человек - музыкант с консерваторским образованием, художник, член гумилевского «Цеха поэтов». Один из первых военных летчиков, трижды Георгиевский кавалер. Священник. Типичный человек, которого Система должна была убить. И она его убила. В 1957 году в Ухте. Я обошел 50 человек, сидевших в сталинские времена, знавших его или кое-что о нем. Нашел его дневники, стихи, осколки семьи, вос-

становил биографию этого удивительного человека и как бы еще вокруг - биографию времени.

- А как соединяется этот ваш труд с писанием гариков?

- Очень легко и свободно. Мои четверостишья кажутся мне очень серьезными. А книга о Бруни - вовсе не фундаментальна и не монументальна. Я ведь поверхностный, легкомысленный человек. И мое новое произведение называется «Штрихи к портрету» - так, байки, истории...

Но в биографическом жанре я не новичок. Вообще-то по образованию я инженер-электрик. Окончил железнодорожный институт. Год работал в Башкирии машинистом электровоза, а потом лет 20 - наладчиком электрооборудования. В это время начал писать статьи, научную-популярные книги, и жизнь моя раздвоилась. Была книжка о психиатрии, биологической кибернетике, бионике - «Третий триумвират». В «Политиздате» в серии «Пламенные революционеры» вышла моя книга «Победенное время» - о народо-вольце Николае Морозове. Но на обложке значились имя и фамилия Марка Поповского. Это была «негритянская книжка». Марк тогда писал со-

бственный труд о видном русском хирурге, авторе многочисленных научных работ, обладателе Сталинской премии Войно-Ясенецком, ставшем впоследствии епископом, у него был заключен договор и он «отдал» его мне для публикации моего творения. Но я поставил условие, что в моей рукописи он не исправит ни запятой. Это было исполнено. Марк отдал мне весь гонорар и даже написал директору издательства заявление, будто книга была написана в соавторстве со мной и он просит поместить на обложке также мою фамилию, в чем ему, естественно, было отказано. Я уже был фигурой «нон грата».

Так что, как вы уже смогли убедиться, судьба меня отметила, и не однажды. Меня любой прохожий чтобы помнил и правнук справедливо мной гордился, мой бюст лежит уже в каменоломне, а скульптор обманул и не родился.

Прогуливалась с Игорем Губерманом Людмила ФОМИНА.

Портрет И. Губермана работы Бориса Жутковского (помещен в книге «Прогулки вокруг барака»). В прессе публикуется впервые.